

УДК 314.7:339.9
ББК 65.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.164

Abramyan David Manvelovich,
Post graduate student of the postgraduate training program of the
Department of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Department of the Protocol and Organizational Support,
Eurasian Economic Commission,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: davs.abramyan@mail.ru

Абрамян Давид Манвелович,
выпускник аспирантуры экономического факультета
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
Департамент протокола и организационного обеспечения,
Евразийская экономическая комиссия,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: davs.abramyan@mail.ru

МИГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЕЕ РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕАЭС

MIGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE AND ITS ROLE IN THE EAEU COUNTRIES INTEGRATION

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография)

08.00.05 — Economics and management of national economy (economics of population and demography)

В статье анализируются миграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте их влияния на ход и темпы экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Автором выделено пять ключевых этапов миграции на пространстве СНГ, в том числе охарактеризованы текущие тенденции с учетом сальдо миграционного обмена. Для каждого этапа автор выявляет причины миграции, этнонациональный состав мигрантов и структуру миграционных потоков. Особое внимание уделено ранжированию стран — доноров мигрантов на постсоветском пространстве. Крайне важно, что в статье рассматриваются геополитические последствия распада Советского Союза — обстоятельство, до сих пор влияющее на трудовую миграцию на пространстве СНГ в силу не только экономических факторов, но и социокультурных, поскольку еще чуть менее 30 лет назад представители советских республик являлись единым народом и трудовая миграция носила исключительно внутренний характер. В работе приводятся подробные статистические данные по динамике миграционных потоков на постсоветском пространстве начиная с 1990 г. Кроме того, в статье оцениваются дальнейшие перспективы развития ЕАЭС в условиях интенсификации экономических процессов в рамках единого экономического пространства. Автор исследованию анализирует Евразийский экономический союз как новую стадию интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в рамках которой будут обеспечены постепенная гармонизация национальных законодательств в части миграционного регулирования и единой таможенно-тарифной политики, которая позволит усилить темпы экономических обменов. В заключении статьи подчеркивается, что свободное перемещение рабочей силы как одного из факторов производства является одним из ключевых аспектов эффективного функционирования ЕАЭС как интеграционного объединения.

The article analyzes migration processes in the post-Soviet space in the context of their impact on the course and pace of economic integration within the Eurasian Economic Union. The author identifies five key stages of migration in the CIS, including the current trends, taking into account the balance of migration exchange. For each stage, the author identifies the causes of migration, ethno-national composition of migrants and the structure of migration flows. Special attention is paid to the ranking of do-

nor countries of migrants in the post-Soviet space. It is extremely important that the article deals with the geopolitical consequences of the collapse of the Soviet Union — a circumstance that still affects labor migration in the CIS due to not only economic factors, but also socio-cultural, taking into account the fact that for a little less than 30 years the representatives of the Soviet republics were a single people, and labor migration was exclusively internal. The paper presents detailed statistical data on the dynamics of migration flows in the post-Soviet space since 1990. In addition, the article assesses the future prospects of the EAEU development in the conditions of intensification of economic processes within the single economic space. The author of the study analyzes the Eurasian Economic Union as a new stage of integration processes in the post-Soviet space, which will ensure the gradual harmonization of national legislation in terms of migration regulation and common customs and tariff policy, which will strengthen the pace of economic exchanges. In conclusion, the article emphasizes that the free movement of labor as a factor of production could be considered as one of the key aspects of the effective functioning of the EAEU as an integration association.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционный обмен, Евразийский экономический союз, СНГ, постсоветское пространство, рынок труда, трудовая миграция, иммиграция, история миграции, вынужденная миграция, экономическая интеграция.

Keywords: migration, migration processes, migration exchange, Eurasian economic Union, CIS, post-Soviet space, labor market, labor migration, immigration, migration history, forced migration, economic integration.

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был создан в 2015 г., однако уже сейчас он имеет все шансы на то, чтобы стать наиболее результативной и успешной организацией на постсоветском пространстве. Членами союза являются страны, которые уже обрели понимание своих стратегических задач, готовы идти к достижению экономических целей совместными усилиями и желают сформировать здоровую и благоприятную экономическую среду. Формирование интеграционных объединений базируется на свободном

перемещении рабочей силы, поэтому интеграция трудящихся из других государств — членов ЕАЭС будет способствовать дальнейшему укреплению экономического потенциала и углублению межстрановых интеграционных процессов.

Все возрастающие потоки мигрантов в международном обмене России с постсоветскими республиками и проблемы, которые потенциально несет с собой международная миграция — социальная напряженность, дефорсирование технологического развития за счет увеличения предложения дешевой рабочей силы, нагрузка на системы социального обеспечения и др., — обосновывают особую **важность и актуальность** темы изучения миграционного обмена на постсоветском пространстве.

Изученность проблемы: на тему миграционного обмена на постсоветском пространстве написано достаточно работ как российскими учеными, так и их зарубежными коллегами, однако аспект влияния миграционных потоков на сам процесс евразийской интеграции еще недостаточно проработан. Экономические аспекты развития постсоветского пространства подробно анализируются в работах следующих авторов: М. Л. Варганова, Л. Л. Рыбаковский, С. В. Рязанцев и др.

Целесообразность разработки темы: полученные результаты легли в основу исследования взаимосвязи процесса экономической интеграции мигрантов в принимающей стране и процесса международной экономической интеграции, в настоящее время активно набирающих обороты, что подразумевает необходимость комплексного подхода к регулированию данных макропроцессов. **Цель работы:** охарактеризовать роль миграционных процессов на постсоветском пространстве в развитии интеграционных механизмов в рамках Евразийского экономического союза.

Задачи исследования: 1) представить общую характеристику миграционных процессов на постсоветском пространстве; 2) провести краткий анализ исторических этапов миграции на пространстве СНГ; 3) проанализировать статистические данные в рамках выделенных этапов миграции; 4) охарактеризовать роль миграции в развитии Евразийского экономического союза; 5) представить дальнейшие возможные сценарии миграционной ситуации на пространстве ЕАЭС.

Научная новизна исследования: представлена оригинальная трактовка классификации исторических этапов развития миграции на постсоветском пространстве, а также применен сценарный подход к оценке будущего миграции на пространстве ЕАЭС.

Теоретическая значимость работы: уточнены теоретические представления о миграционных процессах на пространстве СНГ и институционализации Евразийского экономического союза как интеграционного объединения.

Практическая значимость: представлены сценарии развития миграционной ситуации на пространстве ЕАЭС, которые можно учесть при разработке и практической реализации миграционной политики профильными службами Евразийского союза.

Методология. Условно весь процесс развития миграции на постсоветском пространстве можно разделить на пять важнейших этапов: начало 1990-х — середина 1990-х гг. (постсоветский), 1996—2000 гг. (переходный), 2001—2006 гг. (ревизионный), 2007—2011 гг. (кризисный), 2012 г. — настоящее время (евразийский). Рассмотрим и охарактеризуем каждый из них с точки зрения миграционного обмена России с государствами — нынешними членами ЕАЭС.

Результаты

1. Начало 1990-х — середина 1990-х гг. Данный этап эволюции миграционных процессов совпал с распадом Советского Союза и формированием так называемых очагов миграции теперь уже на постсоветском пространстве. Миграция в этот период была обусловлена сложными и крайне противоречивыми последствиями распада СССР, который можно справедливо назвать крупнейшей геополитической катастрофой XX в. С появлением ряда новых стран, граничащих с Россией, ей потребовалось выстраивать совершенно новый курс внешней политики по отношению к ближнему зарубежью.

Примечательно, что после распада Советского Союза образовывались новые независимые государства, исходя из принципа этнической консолидации, которая имела прямое влияние на характер миграции в Россию из стран Центральной Азии. Бывшие внутристрановые направления миграционных потоков стали международными [1, с. 315], а основная роль временно перешла к беженцам и репатриантам, сменив традиционно преобладающие потоки экономических мигрантов. Большая волна мигрантов после распада СССР дала увеличение показателя миграционного обмена России со странами СНГ в 1992 г. по сравнению с 1991 г. в 1,2 раза. По отдельным странам это соотношение достигало 4—5 раз (табл. 1). В 1992 году показатель миграционного сальдо увеличился в 3,5 раза по сравнению с 1990 г. В отдельных случаях он был значительно выше, к примеру, потери населения России за счет обмена с Украиной увеличились в 26 раз в 1992 г. по сравнению с 1990 г. Основу этого потока составляли украинцы, работавшие на Севере России, которые регистрировались теперь как внешние мигранты, однако к 1993 г. этот поток иссяк, сальдированный миграционный обмен приблизился к нулю, а с 1994 г. начался обратный процесс: приток мигрантов из Украины в Россию.

Таблица 1

Сальдо миграционного обмена России с бывшими союзными республиками, 1990—1995 гг., тыс. чел.

Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	Всего за период 1990—1995 гг.	Соотношение 1992 г. к 1990 г.	Соотношение 1995 г. к 1990 г.
Украина	-4,2	-66,1	-110,0	-1	139,0	89,0	46,7	26,2	23,1
Молдова	0,9	2,5	9,9	5,9	12,0	10,5	41,7	11,0	11,7
Литва	5,0	4,4	11,7	18,0	6,9	2,8	48,8	2,3	0,6
Латвия	3,9	5,8	23,2	24,3	25,0	13,7	95,9	5,9	3,5
Эстония	3,3	4,2	21,8	13,0	10,2	7,7	60,2	6,6	2,3
Грузия	14,5	28,7	46,2	65,0	62,2	47,3	263,9	3,2	3,3

Окончание табл. 1

Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	Всего за период 1990—1995 гг.	Соотношение 1992 г. к 1990 г.	Соотношение 1995 г. к 1990 г.
Азербайджан	52,0	20,7	50,7	46,2	43,4	37,8	250,8	1,0	0,7
Узбекистан	65,9	35,9	86,4	68,8	135,4	97,1	489,5	1,3	1,5
Таджикистан	40,3	17,6	66,7	63,5	42,0	38,6	268,7	1,7	1,0
Туркмения	5,1	4,5	12,0	5,6	17,4	17,2	61,8	2,4	3,4
Со странами в границах современного ЕАЭС, из них:	100,4	46,7	137,1	234,4	421,2	250,7	1190,5	1,4	2,5
Беларусь	23,3	–4,7	–21,3	–12	15,6	10,1	11	–0,9	0,4
Армения	1,4	4,1	12,0	28,1	44,6	31,3	121,5	8,6	22,4
Казахстан	54,5	29,6	96,6	127,0	304,5	191,0	808,8	1,8	3,5
Киргизстан	21,2	17,7	49,8	85,7	56,5	18,3	249,2	2,3	0,9

Источник: Рассчитано по данным [2, с. 2; 3].

Важно отметить, что на миграционные процессы рассматриваемого периода большое влияние оказали межэтнические конфликты в Грузии (Грузия и Южная Осетия), Нагорно-Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, затяжная гражданская война в Таджикистане (1992—1997 гг.), рост исламистских настроений в Узбекистане и т. д. У данной проблемы было два аспекта: с одной стороны, в постсоветских республиках Южного Кавказа и Центральной Азии осталось значительное количество русскоговорящего населения, которое в силу роста национализма местных общин и нарушения гражданских свобод боялось стать так называемым «этническим меньшинством», что вынуждало этих людей покидать новоиспеченные независимые республики; с другой стороны, население стран Южного Кавказа и Центральной Азии стремилось покинуть зоны вооруженных конфликтов и нестабильности. Главными мотивирующими факторами вынужденной миграции 1991—1995 гг. являлись низкий уровень жизни практически во всех постсоветских республиках, высокая степень криминогенности данных территорий, неэффективная система социального обеспечения.

Качество миграционного потока позволяло наращивать человеческий потенциал России, поскольку «социально-демографическая структура иммигрантов из стран СНГ и Балтии отличалась более высокими качественными характеристиками по сравнению с постоянным населением России. В частности, у мигрантов была более молодая возрастная структура, более высокий образовательный и профессионально-квалификационный уровень» [4, с. 79].

Однако вынужденная иммиграция из стран Южного Кавказа, Прибалтики и Центральной Азии сопровождалась параллельным процессом эмиграции из России в страны Западной Европы, чему способствовало принятие в ЕС программы «Восточного сотрудничества». Главными центрами притяжения эмиграционных потоков из России среди стран Европы стали Германия, в которую в 1992 г. эмигрировали 62,7 тыс. человек, и Греция — 1,9 тыс. (1992 г.), среди стран дальнего зарубежья — Израиль, принявший в 1992 г. 22,0 тыс. человек, и США — 13,2 тыс. (1992 г.) [2, с. 3]. Эмиграция из России, так же как и иммиграция в Россию, носила этнический характер. Однако потоки эмиграции были значительно меньше, чем ожидалось, а эмиграционные потери России компенсировались за счет иммиграции граждан бывших союзных республик.

2. 1996—2001 гг. На данном этапе политические «стимулы» миграции отходят на второй план, а вот главными

«мотиваторами» миграционных потоков становятся именно экономические факторы. Во многом подобная ситуация была обусловлена постепенной стабилизацией геополитической обстановки на постсоветском пространстве, что выражалось либо в полном, либо в частичном (временное «замораживание») урегулировании этнополитических конфликтов, ослаблении дискриминационных тенденций в постсоветских республиках, общем улучшении социально-экономического положения ряда постсоветских стран, «исчерпанию источников вынужденной миграции — большинство из тех, кто хотел уехать, уехали на первом этапе» [5].

В рассматриваемый период времени в экономике России на смену сильнейшему кризису 1998 г. пришли позитивные изменения, которые во многом объяснялись ростом цен на нефтересурсы и изменением общего подхода страны к реализации своих внешнеэкономических интересов с приходом к власти В. В. Путина. В остальных же странах СНГ ситуация в плане экономического развития усугубилась, что проявилось в крайне высоком уровне безработицы. В сложившихся условиях значительно вырос поток мигрантов в Россию, которые либо стремились обосноваться в стране на постоянной основе, либо приезжали сюда с целью временных заработков. Для многих мигрантов заработка в России стали практически единственной возможностью обеспечить свои семьи деньгами: в Армении доля доходов работавших в России мигрантов составляла 25—30 % в общем бюджете их семьи, на Украине — примерно 40 %, до 80 % — в Таджикистане, до 50 % — в Молдове [6].

Общая тенденция за период характеризуется снижением сальдированного потока миграционного обмена России со всеми странами постсоветского пространства (табл. 2) в 2000 г. по сравнению с 1996 г., в том числе по странам, входящим в современный ЕАЭС. Исключение составляет Беларусь, в обмене с которой Россия теряет населения более интенсивно, чем в предыдущие пару лет, и Киргизия, обмен с которой в 2000 г. стал более результативным, чем в 1996 г., после снижения в период 1997—1999 гг. Общий миграционный прирост России за счет иммигрантов из стран СНГ за рассматриваемый период составил 1,7 млн человек, 50 % из которых приходилось на 4 страны, входящие в состав современного ЕАЭС, а остальные 50 % — на 10 других стран. Это указывает на существование прочных миграционных связей между Россией и странами — членами ЕАЭС в его современных границах.

Таблица 2

Сальдо миграционного обмена России с бывшими союзными республиками, 1996—2000 гг., тыс. человек

Страна	1996	1997	1998	1999	2000	Всего за период 1996—2000 гг.	Соотношение 2000 г. к 1996 г.
Украина	87,1	69,1	54,6	22,4	39,1	272,3	0,4
Молдова	11,0	8,0	6,0	4,8	9,4	39,2	0,9
Литва	1,8	0,6	0,6	0,3	0,6	3,9	0,3
Латвия	7,4	5,0	3,0	1,5	1,4	18,3	0,2
Эстония	5,0	2,8	1,2	0,3	0,4	9,7	0,1
Грузия	34,4	21,2	18,1	17,1	18,4	109,2	0,5
Азербайджан	35,4	25,6	18,3	12,1	11,7	103,1	0,3
Узбекистан	36,6	32,3	36,6	36,6	37,7	179,8	1,0
Таджикистан	29,9	20,6	16,4	10,3	9,9	87,1	0,3
Туркмения	21,5	15,0	9,0	6,8	6,0	58,3	0,3
Со странами в границах современного ЕАЭС, из них:	169,7	233,1	198	125	132,1	857,9	0,8
Беларусь	2,4	-1,4	-5,3	-7,6	-3,0	-14,9	-1,3
Армения	22,4	16,5	14,4	12,4	14,4	80,1	0,6
Казахстан	134,5	210,5	183,2	113,5	107,0	748,7	0,8
Киргизстан	10,4	7,5	5,7	6,7	13,7	44	1,3

Источник: рассчитано по данным [3].

Трудовые мигранты из стран бывшего Советского Союза готовы были трудиться на нелегальной основе, чтобы избежать чрезмерно затянутой схемы оформления легального статуса. Такая ситуация была выгодна и работодателям, которым дешевая рабочая сила из стран СНГ позволяла минимизировать издержки производства. Трудовая миграция из стран СНГ способствовала развитию мелкой торговли, малого и среднего предпринимательства, увеличению объемов международных и межрегиональных транспортных перевозок. Именно на данном этапе свое распространение в России получает нелегальная миграция, обусловленная совокупностью сразу нескольких факторов:

- 1) наличие безвизового режима;
- 2) сложность процесса регистрации трудовых мигрантов;
- 3) высокий уровень коррупции в профильных ведомствах;
- 4) чрезмерная бюрократизация при приеме иностранных граждан на работу.

В целом за первых два рассмотренных периода (1991—1995 и 1996—2000 гг.), по официальным данным, иммиграция в Россию составила накопленным итогом 6,2 млн человек (1992—2000 гг.), а по оценкам экспертов, эта численность достигала «10 млн человек, из которых 70 % составляли непосредственно русские» [7, с. 105]. Подобный приток имеет в первую очередь политическое значение, так

как он обнажил лидерские позиции России на всем постсоветском пространстве, а также экономическое значение, поскольку в первую очередь такой поток представляет собой огромный ресурс рабочей силы.

3. 2002—2006 гг. В рассматриваемый период начинается пересмотр миграционной политики в России, что в большей степени было связано с ростом террористической угрозы после событий 11 сентября 2001 г. в США. Этот пересмотр был направлен на ужесточение миграционных правил, однако это не смогло избавить страну от коррупционных схем оформления и приема трудовых мигрантов из СНГ.

На этом фоне в российском обществе стали развиваться настроения ксенофобии, а мигранты стали ассоциироваться исключительно с нарушителями закона. Государственная миграционная политика России, встав на путь усиления силового фактора, не только не стала эффективнее, а наоборот, усугубила развитие теневого рынка труда, а процесс миграционного контроля стал практически неуправляемым.

Результативность миграционного обмена России со странами СНГ за данный период снизилась в 2004 г. и вновь выросла до масштабов 2001 г. в 2006 г. (табл. 3). В то же время во всех странах СНГ продолжается внутренняя миграция из экологически неблагоприятных районов [8].

Таблица 3

Сальдо миграции России с бывшими союзными республиками, 2001—2006 гг., тыс. человек

Страна	2001	2003	2004	2005	2006	Всего за период 2001—2006 гг.	Соотношение 2004 г. к 2001 г.	Соотношение 2006 г. к 2004 г.
Украина	12,5	6,7	4,6	18,1	20,8	62,7	0,4	4,5
Молдова	5,9	5,2	3,9	5,8	8,0	28,8	0,7	2,1
Литва	0,5	0,3	0,0	0,1	0,1	1	0,0	0
Латвия	1,0	0,6	0,6	0,5	0,5	3,2	0,6	0,8
Эстония	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,7	2,0	0,5
Грузия	8,3	4,6	4,1	4,8	6,2	28	0,5	1,5
Азербайджан	3,4	2,5	1,2	3,3	7,5	17,9	0,4	6,3
Узбекистан	22,9	20,3	14,2	29,8	36,5	123,7	0,6	2,6
Таджикистан	5,7	4,4	3,0	4,3	6,1	23,5	0,5	2,0
Туркмения	4,1	6,0	3,6	4,0	4,0	21,7	0,9	1,1

Окончание табл. 3

Страна	2001	2003	2004	2005	2006	Всего за период 2001—2006 гг.	Соотношение 2004 г. к 2001 г.	Соотношение 2006 г. к 2004 г.
Со странами в границах современного ЕАЭС, из них:	59,2	23,8	38,8	62,3	53,4	237,5	0,7	1,4
Беларусь	–4,7	–1,7	0,0	0,7	–0,7	–6,4	0,0	0
Армения	4,5	4,0	2,4	7,0	12,3	30,2	0,5	5,1
Казахстан	50,0	15,5	27,6	39,5	26,7	159,3	0,6	1,0
Киргизстан	9,4	6,0	8,8	15,1	15,1	54,4	0,9	1,7

Источник: рассчитано по данным [3].

В миграционном обмене России со странами СНГ на долю государств — современных членов ЕАЭС в данный период приходилось 43 % миграционного прироста. Основную роль в миграционном приросте России среди стран СНГ играл Узбекистан, а среди современных членов ЕАЭС — Казахстан. В 2004 году наблюдалось значительное сокращение миграционного прироста со всеми странами СНГ, достигшее в отдельных странах 60 %, а в Литве снизившееся до рекордно низких показателей, не превысив тысячи человек. Однако в 2006 г. вновь отмечается рост показателя миграционного сальдо, в некоторых странах он превысил уровень 2002 г. Ежегодные показатели нетто-миграции России и стран — современных членов ЕАЭС за данный период были значительно ниже, чем за предыдущие периоды: в 2003 г. даже в 10 раз ниже, чем в 1997 г., за счет снижения сальдо обмена в первую очередь с Казахстаном.

4. 2007—2011 гг. На данном этапе наметилась новая волна демографического кризиса в России, в результате власти в спешном порядке начали вносить изменения в миграционную политику страны, поскольку в сложившихся условиях мигранты стали рассматриваться в качестве дополнительного ресурса увеличения численности населения трудоспособного возраста. В этой связи была изменена система трудоустройства и постановки на учет мигрантов из стран СНГ, с которыми Россия имеет безвизовый режим. Данный шаг способствовал увеличению количества легально пребывающих в России мигрантов из стран Содружества Независимых Государств. Именно в течение 2007—2011 гг. трудящимся в России мигрантам удалось перечислить денежные средства себе на Родину в наибольших объемах: 36 % ВВП Таджикистана составляли переводы мигрантов-таджиков, работающих в Москве; для Киргизии этот показатель составил около 27 % [9].

Однако были и отрицательные моменты, которые не могли не сказаться на международной миграции в Россию. В 2008 году произошел мировой экономический кризис, обусловивший снижение темпов производства и спад спроса на трудовые ресурсы. В целях борьбы с увеличившейся безработицей российские власти пошли на жесткие меры: вдвое была сокращена квота на привлечение иностранных трудовых мигрантов, что, естественно, отразилось на количестве мигрантов из СНГ — их число снизилось до 15 % к 2010 г. [7].

Каким образом мировой экономический кризис повлиял на миграционные процессы на постсоветском пространстве? Прежде всего работодатели были вновь вынуждены прибегать к практике работы мигрантов из Центральной Азии на нелегальной основе, чтобы минимизировать издержки бизнеса. Далее на фоне кризиса в России обострились ксенофобские настроения и неприязнь к приезжим. При этом власти не шли на поводу у общественности, по-

нимая всю сложность экономической ситуации в стране, и не осуществляли тотальной депортации мигрантов в случае выявления несоответствий в их документах. К тому же на официальном уровне правительство озвучило тот факт, что мигранты из стран СНГ вносят существенную долю в экономику России — 6,5—7,5 % от общего объема ВВП.

5. С 2012 года по настоящее время. Данный этап эволюции миграционных процессов на постсоветском пространстве связан с процессом формирования Единого экономического пространства, которое в некоторой степени стало единой правовой базой регулирования перемещения мигрантов в рамках данной территории. С января 2012 г. вступило в силу «Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей», которое систематизировало права и обязанности трудовых мигрантов и подготовило основу в совокупности с «Соглашением о сотрудничестве по противодействию нелегальной миграции из третьих стран» для будущей единой миграционной политики в рамках Евразийского экономического союза. Оба упомянутых нами документа способствовали процессу либерализации доступа граждан стран — членов ЕЭП на рынок труда и уточняли общие правила противодействия распространению нелегальной миграции на межрегиональном уровне. «Миграционное пространство СНГ стало делиться на две большие зоны, первая из которых представляет собой страны ЕАЭС, а вторая — все прочие республики бывшего СССР, у которых с Россией сохранился безвизовый режим» [10]. Рассматривая современную иммиграцию в Россию граждан государств — членов ЕАЭС, следует отметить, что на их долю приходится 39 % общего миграционного прироста России за счет иммигрантов из стран СНГ.

Иммиграция из стран ЕАЭС в Россию уступает по масштабам временной трудовой миграции. По оценкам некоторых экспертов, в 2011 г. в России ежегодно работало от 5—6 млн трудовых мигрантов (включая нелегальных), при этом практически 60 % мигрантов были приезжими из стран Центральной Азии. Таким образом, более половины российских трудовых мигрантов — это лица, принадлежащие еще недавно к единому экономическому и социально-культурному пространству, и их последующие поколения.

Низкие показатели численности трудовых мигрантов, выехавших из России на работу в страны ЕАЭС, на фоне высоких показателей трудящихся государств-членов в России обусловлены прежде всего уровнем заработной платы, который в 2017 г. в России был в 1,4 раза выше, чем в Казахстане, в 1,6 раз выше, чем в Беларуси, в 1,7 раз выше, чем в Армении и в 2,9 раз выше, чем в Кыргызстане (в долл. США) [11, с. 15].

Доля трудовых мигрантов, занятых в экономике России, включая нелегальных работников, в общей численности занятых «в первом десятилетии XXI века составляла

от 14 % до 16 %, т.е. находилась на общеевропейском уровне, если же учесть только их легальную часть, то эта доля будет меньше 2,5—2,6 %. Она была примерно такой же, как

в Финляндии или Нидерландах» [12, с. 207]. Общее сальдо миграционного обмена России на данном этапе, в том числе со странами СНГ, показано на рис. 1.

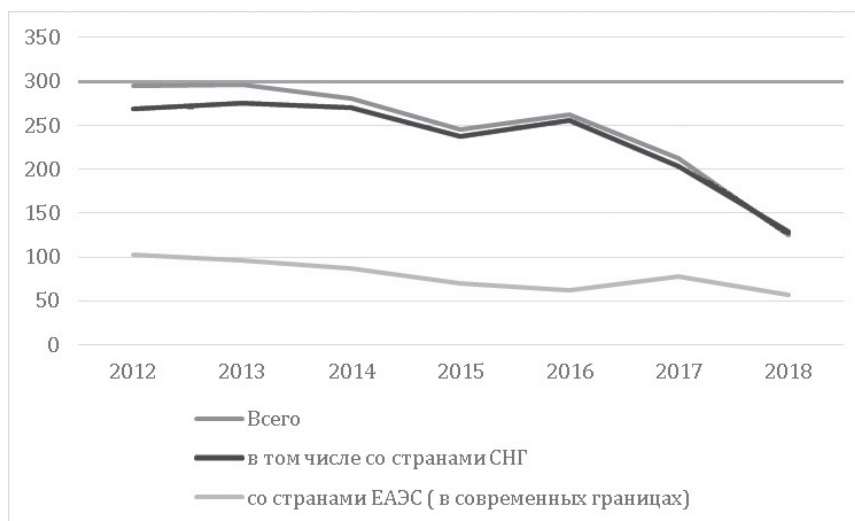

Рис. 1. Сальдо миграционного обмена России, 2012—2018 гг. Рассчитано по данным [13]

Стоит отметить, что вступившие в силу с 1 января 2015 г. изменения в миграционном законодательстве не позволяют оценить численность лиц из государств — членов ЕАЭС, трудящихся в России. Таким образом, новый этап развития экономического объединения в виде шага по созданию общего рынка труда не позволяет получить оценки численности трудящихся из стран ЕАЭС и прогнозировать необходимые объемы общего привлечения иностранной рабочей силы из-за рубежа в Россию.

Запуск деятельности ЕАЭС в 2015 г. означает совершенно новый, более высокий уровень координации экономической политики на постсоветском пространстве. Экономический союз предполагает снятие любых экономических барьеров между его странами-участницами, а также унифицированное законодательство, налоги, условия для работников стран союза. Помимо этого, в полной мере должно обеспечиваться свободное передвижение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. С созданием экономического союза растет значение надгосударственных управленческих структур, которые бы на всех уровнях обеспечивали координацию общей макроэкономической политики и деятельности союза. В части государственного регулирования миграционная политика «должна быть сформулирована на основе значительной дифференциации на группы принимающих и отдающих мигрантов стран» [14].

Дальнейшее развитие миграционной ситуации может идти по двум сценариям: экстенсивному и интенсивному. Экстенсивный предполагает «перспективы географического расширения Евразийского экономического союза, оценку влияния расширения на потоки трудовой миграции и социально-экономические последствия для вступающих в Союз стран». Интенсивный предполагает «перспективы углубления экономической интеграции стран-участниц, перспективы создания единого рынка труда высококвалифицированных специалистов» [15].

Основу миграционного потока в Россию на данном этапе составляют трудовые мигранты. Однако «в российском миграционном законодательстве сохраняется пробел в области социально-правовой защиты трудовых мигрантов, создания сети обучающих центров в регионах, институтов

посредничества, агитаций по трудоустройству и в целом по правовому статусу мигранта, который должен определять объем его гражданских прав и гарантий» [16, с. 263].

Предполагается, что создание ЕАЭС обеспечит полномасштабную и постепенную реализацию свободного перемещения услуг, товаров, рабочей силы и капитала в рамках ЕАЭС. Например, экономически активное население стран ТС сможет беспрепятственно реализовать свою силу на едином рынке труда в любой стране — участнице ЕАЭС. Роль миграции как катализатора экономической интеграции на постсоветском пространстве обусловлена в первую очередь целями создания общего рынка труда. В перспективе трудовые мигранты продолжают способствовать ускорению интеграционных процессов на евразийском пространстве, поскольку их экономическая, финансовая и социальная деятельность (семейный бизнес, формирование землячеств и диаспор и др.) являются дополнительными стимулами к усилению конкуренции в рамках ЕЭП и увеличению объемов межрегионального и приграничного сотрудничества. Евразийский экономический союз направит свои усилия на усиление уровня межгосударственного экономического и политического сотрудничества, что повысит уровень координации миграционной политики в рамках евразийского пространства.

Заключение

В ходе работы были описаны интеграционные процессы и формирующиеся на их правовом и экономическом фоне миграционные процессы, как современного этапа, так и ретроспективно, со времени начала становления СНГ. С учетом этапов создания интеграционных объединений на пути к ЕАЭС весь процесс развития миграционного обмена на постсоветском пространстве можно разделить на пять важнейших этапов. На первом, постсоветском, этапе Россия стала центром притяжения вынужденных мигрантов, которые искали стабильности, безопасности и возможности получения гораздо более высокого, чем на родине, дохода. После 1996 г. потоки «шоковых» мигрантов сменились потоками экономических мигрантов. Уже в 1996—2000 гг. существовали прочные миграционные связи между Россией и странами — членами ЕАЭС в его современных границах. В 2001—2006 годах

в миграционном обмене России со странами СНГ на долю государств — современных членов ЕАЭС приходилось 43 % миграционного прироста. Сейчас Россия остается основным центром притяжения мигрантов, как трудовых, так и иммигрантов на постоянное место жительства. В 2017 году на долю государств — членов ЕАЭС приходилось 39 % общего миграционного прироста России за счет обмена со странами СНГ. Свободное движение рабочей силы как одного из факторов производства является одним из ключевых аспектов создания интеграционного объединения. Миграционные процессы

демонстрируют закономерности становления Евразийского экономического союза как уникального интеграционного объединения на пространстве бывшего СССР, поскольку на обмен России и стран данного объединения приходилась существенная доля миграционного обмена, в отличие от других стран постсоветского пространства. Проблема отсутствия в настоящее время оценок общей численности трудящихся в России граждан из государств — членов ЕАЭС не позволяет оценивать роль снятия барьеров доступа на рынок труда для граждан этих стран в экономике России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вартанова М. Л. Миграционные процессы на постсоветском пространстве // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2. С. 314—324.
2. Зайончковская Ж. А. Миграция в России после распада СССР // Население и общество. 1994. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps1.pdf> (дата обращения: 29 декабря 2018 г.)
3. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/46162> (дата обращения: 19 января 2019 г.)
4. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
5. Абдыкеримова А. А., Джоробекова А. Э. Эволюция миграционных процессов на постсоветском пространстве и его особенности // Наука, техника и образование. 2016. № 8. С. 104—107.
6. Международная организация по миграции [Электронный ресурс]. URL: <http://moscow.iom.int> (дата обращения: 03.02.2019 г.)
7. Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2014. 383 с.
8. Рыбаковский Л. Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia3b4.html> (дата обращения: 20 августа 2019 г.)
9. The World bank. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 5 февраля 2019 г.)
10. Шустов А. Трудовая миграция в Россию: страны СНГ обгоняют ЕАЭС. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/9253> (дата обращения: 14 сентября 2019 г.)
11. Евразийский экономический союз: цифры и факты. М.: ЕЭК, 2018. 59 с.
12. Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Иммиграция трудовых ресурсов, ее негативные последствия для России // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1. № 4. С. 201—212. doi: 10.18334/migration.1.4.38090.
13. Статкомитет СНГ. Миграция населения государств — участников СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/migration/> (дата обращения: 15 сентября 2019 г.)
14. Ткаченко А. А. Интеграционные начала ЕАЭС: проблемы миграции // Власть. 2015. № 11. С. 14—20.
15. Рязанцев С. В., Тер-Акопов А. А., Письменная Е. Е., Храмова М. Н. Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // Аналитический вестник. 2017. № 19(676). С. 8—18.
16. Михайлова Н. В., Абдель Джалиль Н. А. Причины миграции в рамках стран СНГ и стратегии миграционной политики Российской Федерации на современном этапе // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. № 19(3). С. 259—266.

REFERENCES

1. Vartanova M. L. Migration processes in the post-Soviet space. *Regional problems of economic transformation*, 2013, no. 2, pp. 314—324. (In Russ.)
2. Zayonchkovskaya Zh. A. Migration in Russia after the collapse of the USSR. *Population and society*, 1994, no. 1. (In Russ.). URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps1.pdf>
3. Data base EMISS. (In Russ.). URL: <https://fedstat.ru/indicator/46162>.
4. Vorobieva O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migration policy of Russia: history and modernity*. Moscow, Eco-inform Publ., 2016. 192 p. (In Russ.)
5. Abdykerimova A. A., Jorobekova A. E. Evolution of migration processes in the post-Soviet space and its features. *Science, technology and education*, 2016, no. 8, pp. 104—107. (In Russ.)
6. International organization for migration. (In Russ.). URL: <http://moscow.iom.int>.
7. Lokosov V. V., Rybakovsky L. L. (eds.). *Migration processes in Russia*. Moscow, Econ-Inform Publ., 2014. 383 p. (in Russ.)
8. Rybakovsky L. L. *Transformation of migration processes in the post-Soviet space*. (In Russ.). URL: <http://rybakovsky.ru/migracia3b4.html>.
9. The World bank. URL: <https://data.worldbank.org>.
10. Shustov A. *Labor migration to Russia: CIS countries overtake the EAEU*. (In Russ.). URL: <http://eurasian-studies.org/archives/9253>. (in Russ.)
11. Eurasian economic Union: facts and figures. Moscow, 2018. 59 p. (In Russ.)
12. Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Immigration of labor resources, its negative consequences for Russia. *Migration and socio-economic development*, 2016, 1(4), pp. 201—212. (In Russ.). doi: 10.18334/migration.1.4.38090.
13. CIS statistical committee. *Migration of the population of the States-participants of the CIS*. (In Russ.). URL: <http://www.cisstat.com/migration/>.

14. Tkachenko A. A. Integration principles of the EAEU: migration problems. *Power*, 2015, no. 11, pp. 14—20 (in Russ.)
15. Ryazantsev S. V., Ter-Akopov A. A., Pismennaya E. E., Khramova M. N. Scenarios of migration situation development in the EAEU in the conditions of economic integration strengthening. *Analytical Bulletin*, 2017, no. 19, pp. 8—18 (In Russ.)
16. Mikhailova N. V., Abdel Jalil N. A. Causes of migration within the CIS countries and the strategy of migration policy of the Russian Federation at the present stage. *Bulletion of RUDN. Series Political Science*, 2017, no. 19, pp. 259—266 (In Russ.).

Как цитировать статью: Абрамян Д. М. Миграция на постсоветском пространстве и ее роль в интеграции стран ЕАЭС // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1 (50). С. 291–298. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.164.

For citation: Abramyan D. M. Migration in the post-Soviet space and its role in the EAEU countries integration. *Business. Education. Law*, 2020, no. 1, pp. 291–298. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.164.

УДК 657.622
ББК 65.053

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.174

Kobyletskiy Vladimir Romanovich,
Financial advisor,
Ukraine, Kiev,
e-mail: finaloncom@gmail.com

Кобылецкий Владимир Романович,
финансовый консультант,
Украина, г. Киев,
e-mail: finaloncom@gmail.com

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОТЕРИ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ МАЛЫМИ И СРЕДНИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

EVALUATION OF THE QUALITY OF MODELS FOR FORECASTING THE LOSS OF SOLVENCY OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES

08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики
08.00.13 — Mathematical and instrumental methods of economics

В статье проведен анализ адекватности полученной оценки вероятности банкротства и потери платежеспособности российскими малыми и средними предприятиями в случае применения общепризнанных методик прогнозирования банкротства, а именно моделей Альтмана, Сайфулина и Кадькова, Государственной экономической академии (г. Иркутск), Спрингейта. Получен результат, который противоречит общепринятому мнению о высокой адекватности таких методик. Выявлено, что указанные модели демонстрируют недостаточно высокую эффективность. Получены оценки, которые являются либо чрезмерно оптимистичными, либо чрезмерно пессимистичными по отношению к предприятиям, которые относятся к различным группам по критерию возникновения серьезных проблем с платежеспособностью в следующем году после составления анализируемой отчетности. Например, пятифакторная модель Альтмана для стран с развивающимся рынком позволяет получить правильную оценку для предприятий, которые фактически столкнулись с проблемами платежеспособности в следующем после анализа году, в 75 % случаев, однако для тех малых и средних предприятий, которые не сталкивались с такими проблемами, ложная оценка высокой вероятности банкротства наблюдается в 73,47 % случаев. Противоположной является ситуация в случае применения модели Государственной экономической академии (г. Иркутск). В таком случае оценка предприятий, которые фактически столкнулись с проблемами платежеспособности в следующем после анализа году, является чрезмерно оптимистичной. Также неудовлетворительным является результат и для предприятий, которые были способны своевременно отвечать по своим обязательствам в следующем после анализа году. Указано, что дальнейшей разработки требует качественная методика оценки

вероятности банкротства и потери платежеспособности российскими малыми и средними предприятиями.

The article analyzes the adequacy of assessment of the probability of bankruptcy and loss of solvency of Russian small and medium enterprises in the case of application of the generally accepted methods of bankruptcy forecasting, namely the models of Altman, Saifulin and Kadykov, of the State Economic Academy (Irkutsk), and Springgate. The result was obtained, which contradicts the generally accepted opinion about high adequacy of such methods. It was found out that these models give poor quality estimate. Estimates are either overly optimistic or overly pessimistic in relation to the enterprises which belong to different groups according to the criterion of serious unsolvency problems in the next year after reporting date. For example, the Altman five-factor model for the emerging market countries provides a correct estimate for those enterprises that actually faced unsolvency problems in the year following the year of analysis in 75% of cases, but for those small and medium-sized enterprises that did not face such problems, a false estimate of a high probability of bankruptcy is observed in 73.47% of cases. The opposite is true for the State Economic Academy model (Irkutsk). In this case, the assessment of companies that actually faced unsolvency problems in the year following the year of analysis is overly optimistic. The result is also unsatisfactory for enterprises that were able to meet their obligations in time in the year following the year of analysis. It is pointed out that further development requires a qualitative method of evaluation of probability of bankruptcy and loss of solvency by Russian small and medium enterprises.

Ключевые слова: прогноз банкротства, риск потери платежеспособности, качество модели прогнозирования, адекватность оценки рисков, адекватность моделей банкротства,